

Немирович-Данченко
В. И.

(-8) 3. 2000.

«Жизнь ползет проще...»

... В Театр пошел пешком, по Тверскому бульвару. И назад пешком. И вечером пойду пешком.

Вот как. В Театре не радостно. У Симова ничего не готово. И вот я уже склонен к удручению. Все время тренирую себя на том, что от расстраивания моего дело не подвинется.

Видел Лужского. Еще похудел. Оживлен, но мне не нравится его оживление. Это не настоящая веселость, а беспокойная. Он виделся со Станиславскими три раза. То Лужские ездили к ним, то те приезжали в Сен-Мало. Рассказывает, копирует, но что-то не очень смешно.

Видел Симова – юлит. Нехорошо, стыдно как: писал мне, что весь в "Анатэме", а сам больше всего занят постройкой новой дачи кому-то. Вот мне с ним и неловко разговаривать.

Румянцев. Что этому делается? Дай Бог каждому такое здоровье.

Приходила Книппер проситься в отпуск. Вдруг открылись сильные подагрические боли, невыносимые.

Ну, и разные служащие. Находят все, что я выгляжу "отлично похудевшим".

День сегодня стоит хороший. Немного прохладно, но не холодно. И солнца довольно много. Так что на дачу не захочется. ...

Понед., 3 авг.

... Вчера вечером приступили к репетициям "Анатэмы". Больна Бутова. Остальные были.

Качалов подурнел, но – как это ни странно – к лучшему. Поблагороднее и посерьезнее стало лицо.

Вишневецкий черен и даже демонстрировал удивительную свою спину цвета красного тульского самовара, лоснящуюся, сверкающую, гладкую, полированную.

Со Стаховичем я вчера обедал. Пошли пешком до Страстного монастыря, оттуда на электричке, потом в парке долго гуляли и обедали на воздухе. ...

Германова очень пополнела. Была в Норвегии у Кнута Гамсуна, в Париже для сестры, в Лондоне для себя и у океана для отдыха.

Григорьева еще поширела в торе. Была, кажется, только в Берлине и Мюнхене.

Ну, а затем много сотрудников, учеников, филиальных, – коих ты не знаешь.

Аристократов еще нет: Самаровой, Раевской, Станиславских, Москвина, Сулера, Книппер (отпустил), Барановской и прочее и прочее.

И пьяных еще нет – Грибунина, Уралова. Сегодня опять репетировали.

... В театре мирно идет работа, пока без сбега, без напряжения сил, на нервах всех крепких, как полагаются в августе.

Симов показал 1-ю картину, которую пришлось не принять, будем переделывать. Сегодня покажет 2-ю.

Лужский немножко стих, а то на репетициях становился несносен своей истеричностью и рисовкой. Словечка в простоте не скажет. Живет в Ивановке. И склонен работать так: приехать на одну репетицию в день, больше порисоваться и уехать. Мало заботясь, что из этого выйдет. Но я, чтобы не пропадало время даром, репетирую сам. Это дает актерам покой и налаживает пьесу сразу, без того, чтобы что-то делали, а потом я переделывал. Лужский, скрывая под улыбкой обиду, говорит: "Выходит, что все Вы делаете, – зачем же я тут?" Но я мягко отвожу обиду и продолжаю работу.

Экзаменационная жатва была как никогда

Даже и в новое, расширенное издание эпистолярного наследия Вл.И.Немировича-Данченко вряд ли удастся включить сколько-нибудь полное собрание его писем к жене: в те месяцы, когда Екатерина Николаевна заканчивала без него летний отдых в Крыму или попозже осенью уезжала из Москвы к сестре в Женеву, как и в те недели, когда Владимир Иванович отправлялся подправить здоровье в Карлсбад или по делам оказывался в Петербурге, – он писал ей практически каждый день. Так у них было заведено: ввечеру он рассказывал ей весь день, как он его провел, где был, кого видел, что было приятного или – чаще – неприятного.

Ни перед кем другим Немирович-Данченко не предстает в своих письмах таким "разоруженным", таким в сущности беззащитным. И ни перед кем другим, как перед женой, он не заботится о том, чтобы выглядеть "во всеоружии", сильным, чтимым, главным и прочее. Он знал, как она переживает за него, как за него самолюбива – и как готова помочь ему заживлять все царапины, его самолюбию достающиеся. Он нуждается в человеке, который раз навсегда им восхищен (Екатерина Николаевна именно так воспринимала мужа) и которому не стыдно пожаловаться.

Августовские циклы – перед открытием сезона – начинаются обычно с бодрой ноты, потом приходит раздражение, злит чепуха, сердят вечные сбои, – делу уже одиннадцатый или двенадцатый год, а все неладит, всюдю нужен глаз, скучно, наконец.

Можно только руками развести: это ему-то скучно, это в его-то время?.

Блистательные годы Художественного театра, цветущая пора России накануне того самого незабываемого 1913-го, фантастическая роспись имен знакомцев, кого сегодня видел (Шаляпин, Собинов, Нежданова, Дзялков, Карсавина, Бакст, Серов, Стравинский, Ермолова, Остужев – конца нет) – с расстояния в сто лет без малого все это "так пышно, так богато". И однако не только с царапинами самолюбия связана горечь писем. Читая их, "за кадром" можно включить горькие строки Анны Ахматовой:

*"Думали: нищие мы, нету у нас ничего.
А как стали одно за другим терять ...
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.*

Пожалуй, мы слишком редко берем в руки домашние бумаги начала двадцатого века: в них странное нам, но общее многим и длящееся чувство недовольства жизнью и собою, которое разъедало русскую реальность десятилетиями.

Еще и поэтому, наверное, так занимают сегодня эти домашние письма великого режиссера, если читать их все подряд.

Попробуем прочесть хоть в выборках. Начнем с письма из Москвы от 31 июля 1909.

ничтожна. Из 200 человек приняли 10 мужчин, несмотря на 12 вакансий, и ни одной женщины, несмотря на 5 вакансий и более 100 экзаменуемых. Отчаянные дамы пошли! ...

Четверг, 13 авг.

... Вечером вчера пошел с Вишневецким в "Эрмитаж" после заседания, в одиннадцатом часу. Не могу сказать, чтобы чувствовал, что пришел в сад. Толпа пестрая, мещански богатая, будто интеллигентная, наипошлейшая, паразитная. Побыв полчаса, я уже хотел уходить, но Щукина брат уговорил пойти в театр и послушать Вяльцеву. Она мне доставила удовольствие, большая артистка. Встретил Никиту Федоровича с Марьей Софроновой, – скачущие подмосковники. Пригласили меня и Вишневецкого поужинать с ними. Никита Федорович раскутился – шампанское, фрукты, кофе – и не позволил платить. Я, впрочем, и не спорил. ...

Ну, что тебе еще рассказать? С "Анатэмой" туго и туго. ...

Щукин – владелец театра "Эрмитаж", того самого, где начинал свои спектакли МХТ в 1898-м. Никита Федорович – это Балиев, создатель "Летучей мыши". А Марья Софронова – родня Тарасовых и Лазаревых, меценатов МХТ.

20 авг.

Два дня не писал тебе, милая Котя. Что-то все торопился в Театр с желанием все-таки идти пешком. Настроение было немного беспокойное – по поводу "Анатэмы". Две недели я вожусь со 2-й картиной – и ничего не выходит.

... Вчера приехал Конст.Серг., и вечер я провел с ним на его балконе. Выглядит он хорошо. Семья его приедет 5-6 сентября. Тон у нас ладный.

В Театре тихо, вроде как бы вяло. Я не оживляю ни дела, ни труппы. Ленив стал для этого.

Дома благополучно. ...

22 авг. Суббота

Москва заволновалась открытием Северного полюса... Я думаю, однако, что это волнение чисто спортивное, не научное. Вообще, теперешнее время – время "спорта" всякого рода: атлетов, лошадей, аэропланов, путешествий, автомобилей... Аэропланы и дирижабли летают за границей уже на призы...

Все театры уже выпустили свои афиши.

Шире и длиннее всех афиша оперы Зимина. Открывает 30-го. В тот же день открывается Большой – "Жизнь за царя" и Малый – "Ревизором". На другой день в Малом – "Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский" Островского. А еще через день Сумбатов дает еще новинку "Идеальный муж" Оскара Уайльда. Я думаю, что он будет иметь успех. Газеты его поддерживают. И даже очень. Кажется, 5 сентября откроется Незлобин: "Колдуней", бытовой сказкой Чирикова. Успех Незлобина сомнителен, но и он оттянет от нас немного публики. Корш уже действует, но этот уже никуда не годится.

И все-таки Художественному театру будет трудно. И – что всего опаснее – в такое рискованное время совсем нет в Театре энергии. Все вялы. Особенно вяловат я сам. Добросовестно холоден. Никак не могу разогреться и увлечься. Каждая репетиция для меня не радость, а насилие. Обленился я, что ли, – не пойму сам. А и мы уже выпустили афишу – обмен абонементов. А Симов еще не дал ни одной декорации.

Пресный я какой-то. Хороший и здоровый, но пресный. А может быть, это значит, что нет опасности. Если бы она была настоящая, я бы ее почувствовал и вскипел... Пока же у меня такие настроения, как бывают в марте: хорошо бы бросить Театр, хорошо бы быть рантье, хорошо бы уехать куда-нибудь... Ну, посмотрим! ...

29 авг.

...С "Анатэмой" наступила полоса надежд. Я заработал с некоторым увлечением, и ка-

жется нам, что это будет на большой успех. Лужский работает хорошо. Симов все так же – ничем его не поднимешь.

А в стороне Станиславский занят "Месяцем в деревне". Хочет, -- по крайней мере, хотел – строго следовать моему "литературному" плану постановки, но, конечно, этого хватит ненадолго, и свернет живо на искажение Тургенева.

Сегодня у нас выступает в "Анатэму" Сац с собранными на местах еврейской оседлости национальными и религиозными мелодиями, – очень интересными.

А вечером – общее собрание пайщиков для утверждения отчета.

Я пишу -- точно доклад дирекции г-же директорше. ...

1-е сент.

Вот и 1 сентября. И серый день. Но уже и не верится, что пойдет к дождю.

Вчера я был в Малом театре на первой премьеры – "Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский". На дворе жарко, зимнего настроения нет. Театр полон. Спектакль окончился в пять минут второго. Длинный! Длинный, добросовестный, безвкусный и неталантливый. Шура во всех интервью говорил о том, что не может быть речи ни о каком ни "возрождении", ни "обновлении", что только на протяжении трех лет он рассчитывает поднять театр. Это осторожность благоразумная. Дальше, вероятно, будет лучше, а вчера было хорошо для дешевого народного театра, а не для искусства.

Наш "провалившийся" "Борис Годунов" мо-

Летом в имении «Нескучное»
Экран и экран

жет быть только безнадежной мечтой для режиссеров Малого театра. В "Борисе Годунове" у нас было 7-8 таких картин, что если бы одна из них очутилась вчера, то сделала бы фурор. Вообще, первый дебют Шуры Сумбатова далеко уступает первому дебюту покойного Ленского с "Много шума". Играть твердо, добросовестно, кроме Правдина, который был возмутителен в Шуйском.

В театре была все та же стареющая публика премьеры. Все те же, даже пересчитать скучно.

2 сент.

Вот прервали меня, и письма я не кончил. А оно уже последнее. Нет, завтра еще напишу.

Сегодня пойду на генеральную "Колдуньи". Театр Незлобина (бывш. Новый театр).

Кажется, чистенькое, добросовестное дело, подражающее нам. По открытию занавеса вход в зал не допускается. На аплодисменты выходить не будут. И т.д. Афиша скромная, не широковеточная.

11 лет понадобилось проводить известное отношение к делу, чтобы начали ему подражать.

Наш театр останется, конечно, художественным законодателем.

Шура Сумбатов обаял, что хочет опираться на актеров, что весь репертуар и вся работа идет для актера.

Для какого? Правдина? Ужасного Шуйского. Остужева? Он лучше Москвина, конечно, но Москвин был уж очень плох. И Остужев так себе. А затем весь "Самозванец" построен на народных сценах. Которых в Малом все-таки не научились ставить. Роль Марины маленькая в трагедии Островского. И Гзовская, конечно, лучше Германовой. Виртуознее и приятнее, но по замыслу очень мелкая шляхтянка, без романтической судьбы. Все-таки она была, по моему, первым номером, хотя в публике и отнеслись к ней холодно. А погода опять отличная!.. И все еще не до театра. ... Как-никак, а сезон страшноватый. Надо ахнуть "Анатэмой". Постараемся!

Поминая, что Москвин был очень уж плох, НД имеет в виду свою постановку "Бориса Годунова" в МХТ (1907), — Москвин играл там Самозванца в сложном, несколько головном рисунке, придуманном постановщиком (Самозванец — вихрь над Россией, грозный мстительный архангел...).

В октябре 1909 года, когда Екатерина Николаевна, проведя несколько времени в Москве, уехала развлечься в Европу, Художественный театр успел "ахнуть" премьерой Леонида Андреева (она состоялась 2 октября) — "Анатэма" идет с шумным и острым успехом (отношения с автором, который затеял в Петербурге собственный театр, между тем не слишком хороши). О ходе дальнейших дней — в новом цикле писем из Москвы.

Вторник

Нет, Вы мне, пожалуйста, по-немецки не пишите, даже в телеграммах. Я ведь перед этой телеграммой стоял несколько минут, как был перед картиной...

Впрочем, потом понял все.

У тебя уже столько впечатлений, милый Котик, а здесь никаких. Какая разница — репетируются ли "Царские врата" или "Царь Федор"? Сделала ли "Синяя птица" 1600 или 1800 рублей сбора? Хорошо или слабо прошли у Незлобина "Эрос и Психея", а в Малом — "Цезарь и Клеопатра"? Немного лучше, немного хуже — никакого явления это не представляет. Гораздо менее волнует, чем то, что температура вдруг упала до 0 и пошел снег, крупа, дождь...

Сегодня температура опять немного поднялась, ветра нет. Топили в кабинете и камин в твоей спальне. В доме все чисто, в порядке, комфортабельно.

... В Театре все идет нормально. Кроме того только, что митрополит, будто бы, поехал в Петербург хлопотать о запрещении "Анатэмы".

Экран и сцена —

Каменский обедал у меня в день отъезда, мы мирно беседовали. Я сказал, что если "Анатэму" снимут, я буду жаловаться в Государственную думу. Он сказал, что горячо будет поддерживать запрос.

Андреев поставил в своем театре в Петербурге свою новую пьесу "Анфису", принятую Южиным, — и провалился. И ничуть мне его не жаль. Потому что — зазнавшийся хам. Впрочем, я человек мягкий и долго думать о том, что он хам, — не могу.

Решили мы окончательно ставить "Мудреца" и Юшкевича. Вызывал я Симона — жаль мне наказывать его на полторы тысячи — и предложил ему делать макет для "Мудреца". Он, конечно, согласился. По-видимому, чувствует, что к нему так неравнодушен и так много прощая ему. Когда ты уехала, он прислал тебе цветы — они до сих пор еще живы. Он, вероятно, думал, что присылает тебе к отъезду.

По ночам я продолжаю сидеть до 2 часов. Но высыпаюсь. Это ничего. ...

Упоминаемый в письме Петр Валериевич Каменский — добрый приятель, сосед по имению, депутат Государственной думы.

Четверг. Ночь.

Получил открытки из Берлина и Базеля, милый Котик.

Ну, и что ж? Путешествовать одной совсем не так страшно и вовсе не плохо? Европейцы — народ мирный. Страшнее путешествовать одной у себя на родине.

Сегодня празднуют юбилей Правдина. Впервые, и юбилей-то какой-то сомнительный: 40 лет служения на императорских сценах, включая сюда субсидированные театры Новочеркаска, Тифлиса... Во-вторых, и Правдин-то никогда ничего не создал как артист. А пишут так, точно это Ермолова. Я съездил на квартиру, принес ему поздравление и в театр послал венок. А на банкет, который вечером в Кружке, не пошел. И никто из наших не пошел.

Верно однажды писал Буренин: в Москве если кто 30 лет сидит на одной и той же скамейке на бульваре, — он и знаменит.

Слух о том, что митрополит поехал в Петербург хлопотать о снятии "Анатэмы", держится упорно. Решили мы, чтоб я спросил у градоначальника, правда ли это, и если правда, то сейчас же ехал к Столыпину, предупредить несправедливость.

Так что, может быть, я на днях уеду в Петербург. Тогда протелеграфирую тебе.

Сегодня я весь вечер дома, ничего не делаю, сидел с Мишей в столовой, играл на фортепиано, аккомпанировал ему, пили вместе чай, и ложусь не поздно, а то все засиживался.

Завтра допишу.

Пятница.

Погода серенькая, без дождя и холода. Выспался.

В Малом театре поставили пьесу Шоу "Цезарь и Клеопатра" в переводе Эфроса (хм). Шоу англичанин, а Эфрос, сколько мне известно, по-английски ни слова не знает, кроме Yes!

Был большой успех в первых двух или трех картинах и никакого в остальных шести. Но газеты пишут вообще успех очень большой.

Что Саше Сумбатову и требовалось доказать?

"Русское слово" пишет, что Садовский и Правдин — великие сподвижники русского языка на сцене!

Я относился до сих пор с усмешкой ко всем штукам Саши Сумбатова, но теперь я начинаю бояться, что ему удастся сильно понизить художественные вкусы Москвы, дать успех тому, что следует изгонять...

Среда, 21 окт./3 ноябр.

Сколько в эту осень Москве солнца послано! Дни не теплые, но яркие. Приятно вставать и смотреть в окно.

У меня никакого материала за день не хватало для тебя, милый Котик. День полон театральными мелочей... Рассказывать о них, да еще в письме, скучно. Барановская накричала на Григорьеву за то, что та дала ей не то трико. Уралову даю репетировать Крутицкого в "Мудреце", пока Станиславский, который должен играть, занят "Месяцем". Бутова сорвалась с Вишневым. Адашев хочет играть в "Федоре" Шаховского и не хочет переходить на стариков. И проч., и проч., и проч. "Анатэма" продолжает делать полные сборы. Старые пьесы делают сборы меньше, чем в прошлом году. Ну, и так далее.

Вчера весь вечер сидел у меня Боборыкин. И опять из-под его якобы глубины то и дело выплывал легкомысленный папильон. Но прежде я все помалкивал с ним, а теперь энергично отпариваю, и он, по-видимому, своим одним глазом рассматривает меня как человека для него нового, — гораздо убежденнее и сильнее, чем ему казалось до сих пор.

Пустой старикан!

Понять человека убежденного и идейного он может, но то, что составляет сущность убежденности и идейности, его все время

может удивлять.

Самое главное, однако, то, что я завтра еду на свидание со Столыпным. Хлопотал об этом свидании Михаил Стахович. Тот очень любезно ответил, что может меня принять или когда мне удобно — только предупредить по телефону, или в поезде — он едет в Ливадию (государь опять в Ливадию). Я телеграфировал, что буду в пятницу. Вероятно, пробуду в Петербурге только с утра до вечера. Обо всем этом буду тебе давать депеши. ...

Я теперь занят тем, что и как буду говорить Столыпину. Надо сказать все и кратко. ...

Суббота, 7 часов. Петербург

...Сегодня в 11 часов с севастопольским еду. Я мог бы уехать и вчера, но рисковал или опять ехать в общем купе, или вовсе не поехать даже сегодня. Курьерские поезда уничтожены, и потому другие набиты битком.

Столыпин внезапно "приглашен" в Ливадию и прекратил все приемы. Поручил передать мне, что по возвращении примет меня во всякое время, если понадобится. И что все дело об "Анатэме" он передал Бельгарду, начальнику цензуры (с которым ты познакомишься на визите у Гудовича). А я и Бельгарду телеграфировал, чтоб он меня принял. И вот я отправился к нему и выяснил, что пока "Анатэме" ничего не угрожает.

Сегодня я какой-то вялый. ...

Вчера обедал у "Медведя" со Стаховичем (с его дамой и Потоцкой), Долгоруковым (с его дамой Пуаре), Маклаковым, Гревс. Приглашал Стахович. Потоцкая держит себя очень просто и мило. Пуаре тоже. Обед длился часов до 11, с пением — Пуаре, Гревс, молодой джентльмен из гвардейцев в отставке. Она славно поет по-французски.

Сегодня Потоцкая повторила собрание, сделал завтрак. Но это было коротко. От 12 1/2 до 2.

Она еще в своем "дворце", так как не находит покупателя. Оказывается, прожила с великим князем 11 лет и, когда была покинута, отравлялась.

Я что-то уж очень отвык от всяких сборищ: молчал до комизма, в особенности — сегодня.

Был по просьбе Савиной у нее на полчасика... Разные поручения в Москву.

Вот тебе и все мое времяпровождение. Сейчас пойду пообедать и на поезд. ...

Долгоруков — трудно установить, кто из близнецов, Петр или Павел. Оба князя Долгоруковы, лидеры кадетской партии, были вкладчиками МХТ. Гревс — возможно, Константин Петрович Гревс, сотрудник канцелярии ведомства императрицы Марии, тоже вкладчик МХТ. А актриса Потоцкая, старуха, в тридцатые годы будет писать выдающие письма Владимиру Ивановичу, моля его — во имя их давнего знакомства — заступиться за ее арестованную внучку. И будет в письме повторять, что она — правда — жила с великим князем, но внучка же ни при чем...

Понедельник, 26 окт.

Ты напрасно волнуешься, если нет от меня писем. Это может быть и от почты и от моего "некогда". Не думай ничего плохого. Что может быть? Уверю тебя, жизнь ползет проще, чем думается на расстоянии. Знаешь, как в деревне, когда ночью идет дождь, то из комнаты кажется, что погода ужасная, а выйдешь — так она даже довольно приятная. ... В Москве так скучно, ничего же нет интересного, все впечатления так быстропреходящие... Хорошо только в природе и в новых местах. И люди? Надовешие, однообразные, скучные, мелкие!.. Еще когда увлекаешься тем, что относится к области искусства, — тогда живешь, а остальное все надоедает.

Я все пишу тебе в Женеву, в ожидании телеграммы или указания, куда писать.

Ехал я назад в Москву опять не очень удачно. Хотя купе у меня и было, но в первых не было света, ехали со свечами. Потом попался плохой проводник. Просил я чаю, он так долго не давал, что я лег спать без чаю. Ночью все возился с дребезжавшим вентилятором, не дававшим мне спать. Приказал в Клину принести мне кофе и газеты, а проводник забыл — и я, легши без чаю, оставался без кофе до самого дома, т.е. до 12 1/2 часов дня.

Сегодня зато здорово высыпался! Quantum satis!

И теперь свеж. ...

Парижаночке — привет.

Неужели же ты совсем "сиротка"? ... Ну, что же тебе можно написать из Москвы — Москвы! — в Париж — Париж!

Только и извещать: все слава Богу благополучно.

Вчера опять целый спектакль "Анатэмы" я провозился с цензурой: приехал смотреть начальник глав. управл. по делам печати. Ну, и все говорили о возможности запрещения. Надоело, — сказать по правде. Очень я долготерпелив.

И ничего-то новенького, ничегошеньки!

Тихо работаю, и в этой работе все мое удовольствие — и ни на что не жалею!..

Суббота

Сейчас была мама. Ела колдуны. Говорила с Пелагеей. Погода у нас странная. Будто бы за ночь выпал снежок, а теперь ясно и даже очень холодно, градуса 3-4 тепла.

Сегодня, наконец, мне покажут два действия "Месяца в деревне". Два с лишком месяца репетировали Московин и Станиславский, сделали уже около 80-90 репетиций и вот приготовили показать два действия, когда их всего 5. Они очень волнуются, что-то я скажу. А я уж и не знаю, какой мне политики держаться. Если я не похваляю, сейчас же меня запрягут в этот "Месяц" — и пойдет старая история столкновений, споров... А если будет слабо — чего, кажется, надо ожидать, — как я скажу, что это хорошо? А запрягать-ся мне совсем не охота. Если Книппер одолеет трудность роли, — слава Богу, что мои предсказания не сбылись. А если не одолеет, то не одолеет и со мной. Боюсь, что Станиславский окажется совсем банкротом в деле постановки. И скоро наши сборы начнут сильно падать, если "Месяц в деревне" еще задержится.

Ну, вот тебе и ветерок в Париж из Москвы: мама, колдуны, Станиславский, все то же, то же и то же. Ничто не изменилось. До свидания, голубчик. Будь спокойна и беззаботна.

Я рад, что мои письма удовлетворяют тебя.

Крепенько целую.

Твой В.

И так далее. В доме все благополучно, в Театре тоже, "Месяц в деревне", конечно, тормозится и затуркивается, — это все как всегда.

Колдуны — по Далю — пельмени, вареники с мясом; по словарю Ушакова — маленькие жареные пирожки с мясом и салом. А Книппер в "Месяце в деревне" репетировала роль Натальи Петровны.

Воскресенье

Ну, здравствуйте, парижанка. Сейчас посылаю тебе телеграмму — благоговение на путь.

У нас вчера выпал мокрый снежок. На крышах белеет, а на мостовой грязь. Погода напоминает мне почему-то о Черниговской. Золотая осень кончилась. И то: 1-е ноября. Пора. Мы уже несколько дней, с неделю, топим. У тебя в спальне тоже, чтобы не было сырости.

Сейчас, на холодный обед, придет ко мне Саша Асланов.

Вчера мне показали, наконец, два действия "Месяца в деревне". Две бесподобные декорации Добужинского. Полтора месяца назад мне показывали почти полностью три действия. Теперь из них только два. Игруют хуже, чем полтора месяца назад. Что они делали это время — никак не могу обмозговать! А ведь сделали за это время репетиций 50! Константин, кажется, совсем свихнулся в своем стремлении затоптать все свежее. 50 репетиций он топтал то, что было сделано в первые 30. И успел в этом.

Хороши декорации, юноша, играющий Беллева, и Коренева, играющая Верочку, очень терпим сам Станиславский и совершенно пустое место — Книппер. Увы! Это решительно не ее дело, и мне все казалось, что я смотрю "Росмерсхольм".

Предвижу скуку, когда пьеса наконец пойдет. А пойдешь она, дай Бог, в декабре.

Боюсь, что меня еще запрягут "чистить". Чистое наказание с этим Константином.

Все тормозит.

Вот пока и все новости. Nouvelles du jour de Moscou.

"Московские новости" (франц.) — НД посмеивался над собой, что он высылает для ЕН домодельную газетку.

Вероятно, еще надо пояснить, при чем тут "Росмерсхольм": в драме Ибсена Книппер неудачно играла Ребекку; да и вообще эту свою постановку НД считал провалом.

Наталья Петровна в "Месяце..." победой Ольги Леонардовны тоже не стала. Но спектакль в целом — был прекрасен. Так пишут. И можно верить.

Не остановить ли чтение одного цикла, чтобы перейти к циклу следующего года — драматичного, опасного, переломного. Какие-то строки из писем этого года захватаны, общеизвестны, — может быть, стоит вернуть этим острым строкам их контекст. Попробуем. Но в следующий раз.

Публикация и комментарии
Инны СОЛОВЬЕВОЙ